

ПО ЯПОНИИ

(записки миссионера)¹⁾

Новыя мѣста.

Сенсей и Таговъ простились, и мы тронулись дальше на востокъ, по тому же полудикому пейзажу. Всюду новь и новь, безъ порядка валяются и гниютъ великаны—деревья, ни убрать ихъ, ни уничтожить одинъ крестьянинъ не въ состояннн, торчатъ пни, чернѣютъ обгорѣлые стволы, попадаются рощицы, еще не тронутыя, домики, тон-денъ, потомъ соломенные хижины невоенныхъ поселенцевъ. Около часа ѣзды до Сунатава, гдѣ кончается дорога, принадлежащая компанин угольныхъ копей (мы до сихъ поръ путешествовали по компанейскимъ желѣзнымъ дорогамъ). Отсюда начинается дорога правительственная, только что мѣсяцъ тому назадъ открытая. Станцин пошли новенькн, порядкомъ еще ничего не устроено. Отъ этого впечатлѣннн первобытности, зарождаемости, которая такъ и бьетъ въ глаза отъ всей здѣшней обстановки и природы, дѣлается еще болѣе ощутительнымъ. Окрестности становятся еще дѣвственнѣе. лѣсъ гуще и глуше. Потомъ пропадаютъ и поселенческн деревни. Особенно дико-живописна мѣстность, когда дорога прорѣзываетъ горный кряжъ по берегу большой рѣки Иси-кари. Кое-какъ надъ клубящейся отъ сильнаго теченн рѣкой примощены насыпи, мосты, а по другую сторону, почти вплоть къ поѣзду стѣной стоятъ сѣрые скалы, на которыхъ висятъ огромные камни и поваленныя бурей или сорванныя

¹⁾ Продолженн см. Богосл. Вѣстн., октябрь, стр. 318—341

горнымъ потокомъ деревья. Иной разъ съ крутизны прямо на полотно хлещетъ ручеекъ. Все это стоило громадныхъ трудовъ, все это рвали динамитомъ. Да и теперь, и еще долго потомъ нужно будетъ тратиться на эту дорогу: горные скаты то и дѣло подвѣдаются многочисленными здѣсь источниками, не разъ гора сползала и засыпала собою желѣзнодорожное полотно. Одинъ туннель всего два дня предъ нашимъ проѣздомъ осыпался и сообщеніе было прервано.

За туннелемъ пошла равнина, покрытая густой высокой травой и перелѣсками. Кое-гдѣ изъ травы поднимались остроконечныя крыши убогихъ айноскихъ хижинъ, стоящихъ больше одиноко, особнякомъ. Около нихъ подчасъ показывалась бородастая фигура самого обитателя, лѣшиво подолгу смотрѣвшаго на поѣздъ. По разсказамъ Іоанна Ондзуми, христіанина, подѣвшаго къ намъ въ Сунагава, правительство отвело земельные участки для айносовъ, но эти послѣдніе не думаютъ заниматься землей, только рѣдко, рѣдко около айноской, хижины можно видѣть нѣкоторые намеки на огородъ. Около станцій сейчасъ же у опушки лѣса и даже въ лѣсу стояли цѣлыя японскія деревни и поселки,—только что выстроенные, бѣлые.

Скоро мы выѣхали на совѣмъ открытую равнину, гдѣ на далекое пространство раскинулся зарождающійся городъ Асахикава, будущая столица этой мѣстности, а, можетъ быть и всего Хоккайдо. Теперь въ немъ уже болѣе 1000 домовъ, разставленныхъ въ правильныя прямоугольныя улицы, широкія и прямыя. Здѣсь обязательно должны быть наши христіане, но о. Николай ѣхалъ сюда въ первый разъ и никого не зналъ. Мы рѣшили проѣхать дальше въ Нака-яма, тоже новый городъ и тон-денъ, чтобы посѣтивъ тамъ христіанъ и познакомившись вообще съ этимъ новымъ мѣстомъ, на обратномъ пути и захватъ въ Асахикава.

Въ Накаяма по грязной дорогѣ прошли мы со станціи въ городъ и въ гостиницу. Нашъ спутникъ христіанинъ (староста или голова этого поселка) сказалъ какимъ-то молодцамъ понести намъ багажъ,—тѣ конфузливо подошли, взвалили на плечи чемоданы и принесли въ гостиницу. Конечно, нужно было что-нибудь дать имъ за труды; но носильщиковъ и слѣдъ простылъ. Какъ ни кричали имъ, какъ ни уговаривали и мы, и голова вернуться и взять что-ни-

будь,—наши молодцы только кланялись и поспѣшно удирали все дальше. Очевидно, цивилизація еще не коснулась ихъ, какъ слѣдуетъ.

Гостинникъ, жившій прежде въ Екохамѣ и служившій у какого-то француза, засыпалъ насъ разговорами объ этомъ французѣ, и о климатѣ, и жителяхъ Накаяма, и о всѣхъ особенно хорошихъ качествахъ его гостинницы. Номера были расположены по римски около внутренняго бассейна съ фонтаномъ, у котораго въ баночкахъ и ящикахъ расположены были, самымъ причудливымъ образомъ изуродованныя, маленькія деревца — карлики. Номера открывались только на этотъ бассейнъ; посѣтители, такимъ образомъ, имѣли удовольствіе любоваться другъ другомъ все время, если никто изъ нихъ не хотѣлъ задвинуть ширмы и сидѣть въ полутьмѣ и заперти. Но за то такіе номера были удивительно теплы: зимой ставится жаровня, а потомъ въ „ирѳри“ накладываются горячія уголья, и „кяку-санъ“ (гость), надѣвъ на себя *два ватныхъ* кимоно, не говоритъ, что холодно.

Пріѣздъ нашъ былъ, однако, не такъ удаченъ. Одинъ изъ христіанъ, усиленно зазывавшій насъ сюда въ Саппоро, еще оттуда не вернулся; другой тоже былъ въ отсутствіи. Оставались такимъ образомъ только домъ Ондауми и еще одного молодого солдата, пріѣхавшаго сюда въ качествѣ инструктора для военнопоселенцевъ. Скоро этотъ солдатъ Хори-яма и пришелъ къ намъ. Онъ женатъ на язычницѣ, православное ученіе узналъ отъ товарища по сельской школѣ еще въ дѣтствѣ. Онъ увѣровалъ и даже пожелалъ и послужить церкви, хотѣлъ поступить въ Семинарію. Но родители-язычники этому воспрепятствовали.

Въ номерѣ напротивъ насъ оказался тоже православный: Елисей изъ Саппоро. Высокій человѣкъ, въ очкахъ, совершенно лысый. Онъ служитъ правительственнымъ архитекторомъ и строитъ по Езо дома для военныхъ поселеній, переѣзжая для этого съ мѣста на мѣсто. Недавно только прибылъ изъ Вей-хай-вея, гдѣ жилъ съ японскимъ гарнизономъ до сдачи порта англичанамъ, теперь ѣхалъ на сѣверо-востокъ острова опять строить тонъ-день. Мы пригласили его къ себѣ и долго съ нимъ бесѣдовали. Въ Саппоро не пришлось застать его дома, видѣли только жену, еще язычницу, (она и теперь провожала своего рѣдко видимаго мужа

до Накаяма и тотчасъ же вернулась въ Саппоро). Между прочимъ этотъ же Елисей построилъ молитвенный домъ въ Саппоро, въ которомъ его потомъ и крестили.

6 сент.—26 август. Иоаннъ Ондзуми обѣщаль насъ проводить утромъ по христіанскимъ домамъ, но уѣхаль по дѣлу въ Асахикава и мы безъ толку просидѣли все утро дома, смотря, какъ начиналь моросить ненастный дождь, отъ котораго, и безъ того грязныя, улицы становились непроходимыми. Хори-яма (солдатъ) жилъ, впрочемъ, недалеко и дѣвочка изъ гостинницы насъ къ нему проводила.

Уже послѣ двѣнадцати часовъ мы подъ дождемъ пошли въ обходъ. Прежде всего, проколесивъ порядочно по городу, посѣтили родителей Кубота (христіанина, видѣннаго въ Саппоро). И отецъ и мать были еще язычники, но отъ сына уже много слышали о вѣрѣ и, по видимому, склонны были и проповѣдь послушать. Мы посидѣли у нихъ при входѣ, не рѣшаясь снимать нашей, наполненной водой обуви. Старичекъ со старушкой сначала было конфузились, разговоръ не клеился; отецъ Николай, спасибо, вывелъ всѣхъ изъ затрудненія, попросивъ у нихъ жареной кукурузы. Старуха, увидавъ, что можно угощать, воодушевилась, натащила кукурузы, моченаго гороха, старикъ принесъ съ пашни арбузы, и сразу пошла непринужденная бесѣда. Народъ это простой и добрый; Богъ дастъ желаніе сына исполнится, придетъ сюда постоянный катихазаторъ, и старички будутъ христіанами.

Дорога такъ была нехороша и мокнуть подъ дождемъ такъ было непріятно, что мой отецъ Николай сталъ безпокойно поглядывать на часы и бояться, какъ бы не опоздать къ поѣзду. Но времени было еще достаточно, пошли и къ Ондзуми. Домъ очень большой и чистый, совсѣмъ не такой постройки, какъ обыкновенные дома тонъ-денъ. Его Иоаннъ кушль на свой счетъ и жилъ здѣсь вдвоемъ со своею женою; дѣти же (двѣ дочери и зять) жили въ казенномъ домѣ. Одна дочь была крещена, а другая только оглашена, зять-язычникъ; точно также и всѣ дѣти его, внуки Иоанна, не были крещены. Необходимо, стало быть, внимательно посѣщать ихъ, а то въ такой глуши и безъ катихазатора, они могутъ и совсѣмъ ослабѣть. Самъ Иоаннъ еще по временамъ бываетъ въ Саппоро и видится тамъ съ симпу и кати-

хизаторомъ, а остальная семья его, какъ заѣхала сюда, такъ и сидитъ безвыѣздно. Побывъ у него немного, мы заторопились на поѣздъ. Первоначальное наше намѣреніе остановиться въ Асахикава пришлось оставить: дождь шель непрерывно и кто знаетъ, чѣмъ могло все кончиться, гора опять могла сползти и прервать сообщеніе. Что мы тогда будемъ дѣлать? Такъ совѣтоваль намъ Ондзуми, и мы рѣшили, вмѣсто Асахикава, проѣхать дальше, въ Фукакава, гдѣ есть двое христіанъ, а неподалеку еще нѣсколько домовъ, которые мы хотѣли посѣтить пѣшкомъ.

Фукакава оказалось небольшимъ поселкомъ, выросшимъ только благодаря желѣзной дорогѣ и съ нею вмѣстѣ существующимъ. Работаетъ она, питается и поселокъ, подвозится и провіантъ: нѣтъ дороги, и рису не откуда взять: по близости онъ не растеть.

Скоро отецъ Николай разыскалъ нашихъ двоихъ христіанъ. Это были отецъ и сынъ, недавно пришедшіе сюда изъ Хакодате. Сынъ потомъ и пришелъ къ намъ въ гостиницу. Кромѣ этихъ двухъ, о православныхъ здѣсь не слышно. Мы ему упомянули объ Урју-кава (поселеніе, гдѣ были православные). Но это оказалось совсѣмъ не въ одномъ рю отсюда, а въ цѣлыхъ пяти или даже шести, идти туда по распутившейся дорогѣ намъ нечего и думать. Нужно, слѣдовательно, ѣхать прямо въ Отару (черезъ неизмѣнную Ивамизава). Порѣшивъ такъ, мы тотчасъ же послали телеграмму катихизатору въ Отару, что завтра съ первымъ поѣздомъ выѣзжаемъ прямо туда, къ вечеру, стало быть, прибудемъ. Дождь все шель, но намъ онъ уже не былъ страшень: опасный туннель и горный кряжъ былъ назади, теперь до самой Отару—скатертью дорога. Поэтому, мы спокойно поужинали, уговорились съ банто объ отѣздѣ и залегли спать.

Потопъ.

7 сент.—26 август. Утромъ чуть не вплавъ пробрались мы черезъ овражекъ до станціи, гдѣ нашли цѣлую толпу промокшихъ съ постными физиономіями. Они намъ сообщили, что за ночь дорога размыта.—Ну, слава Богу, что мы вчера выбрались изъ Накаяма, пришлось бы сидѣть тамъ безвы-

ходно! Теперь стало быть нужно подождать поезда снизу и на немъ отправиться. Ободривъ себя такимъ силлогизмомъ, мы съ отцемъ Николаемъ преспокойно усѣлись на лавочкѣ, побѣдоносно смотря на разочарованныхъ путешественниковъ, которымъ нужно было ѣхать въ Асахикава. Но вотъ кондукторъ, какъ-то внимательно смотрѣвшій на наше спокойствіе, подошелъ и объяснилъ, что дорога размыта и въ ту и въ другую сторону, и телеграфъ не дѣйствуетъ; навѣрное-де снесенъ и мостъ, но это еще хорошенько не извѣстно. Пришлось и намъ сильно присмирѣть. „Когда же можно будетъ отсюда уѣхать“? Кондукторъ утѣшилъ небольшой надеждой, что мостъ, можетъ быть, цѣлъ,—можетъ быть, и путь только покрытъ водою, а не размытъ. Дѣлать нечего, опять пришлось идти черезъ вражекъ, гдѣ воды было уже гораздо выше щиколки, едва не поколѣно.

Поднявшись въ свой номеръ, на второй этажъ, мы безпомощно стали смотрѣть на видѣвшуюся оттуда станцію, думая, что вотъ-вотъ задымитъ паровозъ, и нашему неопредѣленному положенію—конецъ. Между тѣмъ вода во вражкѣ замѣтно прибывала. Скоро и переходить вбродъ на станцію сдѣлалось не возможно. Устроили какой-то ящикъ и въ немъ держали переправу.. Потомъ вода поднялась и до нашей улицы, понемногу залила ее и къ ночи поднялась до „татами“ въ нижнемъ этажѣ. Хозяева стали перебираться на второй этажъ, перетаскивали туда свои пожитки, припасы, посуду и пр. Дѣло принимало, очевидно, серьезный оборотъ. На улицу выходить было уже нельзя.

8 сент.—27 августа. Проснувшись рано утромъ, я постигшилъ къ окну, надѣясь видѣть черную землю. Но увя! Улица и долъ, вплоть до станціи, превратились въ одинъ сплошной потокъ, по которому съ стремительностью неслись бревна, кадушки, доски, сломанные заборы, дрова. Одноэтажные дома стояли печальными островами по крышу въ водѣ. Вода залила до половины и нижній этажъ нашей гостиницы. По улицамъ, ѣздили люди на сколоченныхъ на скорую руку плотахъ, собирали изъ затопленныхъ домовъ всѣхъ не успѣвшихъ бѣжать. Далеко изъ-за станціи отъ едва виднѣвшихся хижинъ слышны были крики о помощи, но нельзя было сдѣлать ничего.

Наша гостинница служила мѣстомъ собранія всѣхъ спа-

сающихся, все стремились на второй этажъ. Приплыли откуда-то три промокшія, еле живыя собаки, кто-то принесъ зазыхшихъ куръ,—не говоря уже о людяхъ. Пошли разговоры, соболѣзнованія, смѣхъ, вообще стало гораздо занятнѣе, чѣмъ обыкновенно. Пищу, конечно, подавали кое-какую, да и готовили ее кое-какъ тутъ же на второмъ этажѣ.

Скоро дождь перестать, а съ нимъ явилась и надежда на конецъ бѣдствія. Все населеніе нашей гостинницы высыпало на балконъ, наблюдая, что дѣлается на улицѣ и около станціи, а тамъ вода покрывала и полотно, по которому кто-то бѣгалъ, что-то собирали и свозили въ одно мѣсто: дѣйствія крайне подозрительныя, показывающія, что и полотно не вполне здорово. Все дѣлилось впечатлѣніями, слухами, которые росли съ каждой минутой. Передавали, что гдѣ-то снесена гостинница,—тысячи жертвъ; разрушены цѣлыя селенія. Хорошо еще, что такіе слухи обычно не сбываются. И замѣчательное дѣло, среди всего этого погрома не видно было печальныхъ лицъ, не слышно было ругательства и проклятій, такъ обычныхъ при общественномъ несчастіи. Все шутили, хихикали. Хихикалъ и бѣдный мужикъ, у котораго водой снесло громадную полѣнницу сажѣнныхъ дровъ,—все его достояніе; хихикали и хозяева противоположнаго дома, двѣ лошади которыхъ съ трудомъ боролись съ теченіемъ, подвергаясь опасности съ минуты на минуту утонуть. У японцевъ вообще какъ-то не принято особенно обнаруживать свои чувства, при всемъ они только хихикаютъ; въ радости онъ или въ горѣ, разсерженъ или смущенъ, все также ничего, не выражающая улыбка. Нѣкоторымъ это кажется безчувственностью, крайней холодностью души. Нѣтъ это не холодность и не безчувственность (хотя при тонкихъ нервахъ, конечно, такъ себя выдержать трудно), а просто въ плоть и кровь вѣвшееся китайское приличіе, своимъ механическимъ укладомъ почти обезличивающее человѣка.

9 сент.—28 августа. Сидимъ по прежнему. Вчера съ полудня вода начала сбывать, но и теперь ее все еще по лодыжку даже на нашей улицѣ. Жители понемногу возвращаются въ свои поднимающіеся изъ воды домики. Вездѣ разрушеніе, нанесенный илгъ, поваленныя растенія. Народъ

копошится, моетъ загрязненныя стѣны, поправляетъ про-
рванныя ширмы, опрокинутые заборы. Много будетъ имъ
теперь хлопотъ и еще больше убытковъ! Вѣсти приходятъ
одна хуже другой. Полотно казенной, новой желѣзной до-
роги размыто и испорчено почти на всемъ протяженіи. Да
и далѣе полотно по мѣстамъ подъ водой или повреждено.
Особенно, слышно, велико было наводненіе въ Ебецу, т. е.
въ равнинѣ Поромуи. Что-то стало съ нашимъ Евгеніемъ
Сабанай и съ его родичами?! Бѣда, если тамъ наводненіе
случилось ночью и неожиданно, тогда и бѣжать имъ поло-
жительно некуда: кругомъ непроходимыя болота, ни горки,
ни холмика. Лодокъ, конечно, нѣтъ, уплыть не на чемъ,—
развѣ на крышу заберутся, да и крыша ихъ соломенной хи-
жины не особенно надежное убѣжище.

Другой вопросъ, сильно насъ занимавшій, какъ мы отсюда
поѣдемъ. Придется идти чуть не пѣшкомъ до самой Ива-
мизава, да и тамъ еще ничего опредѣленнаго неизвѣстно.
Я выдвигалъ свой прежній планъ: пробраться какъ-нибудь
на западный берегъ острова къ Масике, гдѣ есть церковь,
потомъ на пароходѣ—въ Вакканай и обратно въ Отару. На
картѣ обозначена была и дорога чрезъ знаменитый по труд-
ности переваль Масике, но никто здѣсь этой дороги къ
удивленію не зналъ. Даже на почтѣ отозвались полнымъ
незнаніемъ. А отецъ Николай и безъ того не любилъ ѣз-
дить верхомъ на лошадахъ, да еще по горамъ. Горизонтъ
получался довольно сумрачный. Сидѣть же безъ дѣла, при-
томъ на пищѣ святаго Антонія, выходило совсѣмъ неинте-
ресно.

Кстати о пищѣ. Насъ кормили какимъ-то весьма паху-
чимъ рисомъ; но и онъ, говорятъ, поднялся въ цѣнѣ. При-
возъ прекратился, а запасы въ городѣ небольшіе, да и тѣ
много попорчены наводненіемъ. Вечеромъ по этому поводу
въ Фукагава, точно въ Италіи, произошелъ „рисовый“
бунтъ. Какой-то торговецъ нашель для себя болѣе выгод-
нымъ продавать рисъ, вмѣсто 18 сенъ за извѣстную мѣру,
по тридцати. И вотъ къ ночи собралась толпа, и ругали его
долго; потомъ, пользуясь темнотой, стали кидать въ него и
въ его лавку каменья. Сметливый хозяинъ долженъ былъ
поскорѣе скрыться, а лавку его недовольные покупатели раз-
несли и рисъ разсыпали.

Англиканинъ-фельдфебель.

10 сент.—29 августа. День избавленія или, по крайней мѣрѣ, несомнѣнной надежды. Сначала ходили слухи, что снизу придетъ рѣчной пароходъ, чтобы взять генерала-губернатора, который тоже сидѣлъ въ Фукукава. Отецъ Николай пошелъ (уже можно было кое-какъ пройти, хотя и безъ обуви) разузнать про все это, и скоро явился торжествующій. Пароходъ едва ли придетъ, а вотъ попался ему одинъ фельдфебель—англиканинъ, который вызвался рассказать про дорогу и даже проводить насъ до Уриугава. Скоро предъ самымъ обѣдомъ пришелъ и самъ фельдфебель. Мы его угостили обѣдомъ и стали бесѣдовать. Дорога на Масике чрезъ перевалъ совсѣмъ не такъ страшна, какъ ее намъ расписали. Дорога широкая, торная, постоянно тамъ проходить почта, есть гдѣ и переночевать на перевалѣ. Разстояніе что-то уже очень мало, очевидно, нашъ проводникъ мѣрилъ его только своими солдатскими ногами. Название Уриугава принадлежитъ, по его словамъ, не какому—нибудь отдѣльному поселку, а цѣлому округу. Наши же христіане жили въ Циба-ноогѳо. Намъ придется идти до этого мѣста по словамъ солдата, тоже очень не много, всего ри четыре, хотя и нужно описать большой кругъ. Послѣ, конечно оказалось гораздо больше, и у насъ цѣлый день ушелъ на путешествіе.

Фельдфебель зналъ почти всѣхъ христіанъ, живущихъ въ округѣ, и, къ нашему удовольствію, сообщилъ намъ, что и въ его поселкѣ есть одинъ православный христіанинъ, солдатъ. Это было уже совсѣмъ неожиданная удача: дорога лежала именно на этотъ поселокъ и, такимъ образомъ, мы могли посѣтить и нашего христіанина, о которомъ не имѣли и свѣдѣній. Это вознаграждало насъ за томительное сидѣніе на второмъ этажѣ и за всѣ трудности будущаго путешествія.

Мы разговорились съ фельдфебелемъ о вѣрѣ, которой онъ, повидимому, очень интересовался. Онъ собственно принялъ крещеніе у методистовъ, но потомъ, по его собственнымъ словамъ, „для удобства“ перешелъ въ англиканизмъ. „Здѣсь, говорить, нѣтъ ни катихизатора методистскаго, ни христіанъ, а англиканскій катихизаторъ есть, вотъ я и пере-

шелъ“. О различіи между тѣмъ и другимъ исповѣданіемъ онъ, по видимому, ничего не знаетъ, хотя человекъ совсѣмъ не простой, кое-что читалъ и вообще любитъ разсуждать. Ему, стало быть, совершенно безразлично, во что ни вѣровать, въ какую церковь ни ходить. Будетъ ему „бѣнри“ (удобно), онъ потомъ перейдетъ и въ унитаріанство, лишь бы по воскресеньямъ было, куда ходить и слушать пѣніе подъ органъ. И послѣ этого англикане всячески отрещиваются отъ названія ихъ протестантами! Только протестантъ, потерявшій всякую устойчивость въ вѣроученіи (онъ, вѣдь, самъ въ немъ судья) и можетъ быть до такой степени безразличнымъ. Однако, возраженія противъ православія нашъ собесѣдникъ зналъ и сталъ насъ по поводу ихъ спрашивать. Отецъ Николай послѣдовательно разобралъ всѣ эти возраженія, объяснилъ ему смыслъ иконопочитанія, ученіе нашей церкви объ общеніи живыхъ и умершихъ, о молитвѣ за послѣднихъ, о преданіи, о таинствѣ покаянія и пр. Слушатель сидѣлъ, раскрывъ глаза, все это для него было совершенно ново, все это ему представлено было протестантами совершенно не въ томъ освѣщеніи и смыслѣ. Православіе показалось ему теперь гораздо осмысленнѣе и живленнѣе, теплѣе, чѣмъ протестантство: особенно его тронула возможность молиться за умершихъ, да и всякаго не можетъ не тяготить это оставленіе умершихъ на произволъ судьбы. Гдѣ же тутъ любовь, которая „николи же отпадаетъ“? Нашъ слушатель ушелъ съ твердымъ намѣреніемъ испробовать православіе, и даже просилъ и ему дать иконку, какъ мы даемъ своимъ христіанамъ. Можетъ быть, потомъ и совсѣмъ увѣруетъ.

Вечеромъ мы нашли до Цигусибецу (топденъ, въ которомъ жилъ фельдфебель) подводу, т. е. сельскую калымагу, въ видѣ ящика на двухъ колесахъ. Фельдфебель, узнавъ объ этомъ, ушелъ вечеромъ пѣшкомъ, чтобы встрѣтить у себя въ селѣ и потомъ проводить дальше.

11 сент.—30 августа. Въ семь часовъ утра мы, наконецъ, сѣли съ о. Николаемъ въ „бася“ (повозка) и, искренно благодаря Бога, тронулись отъ нашей гостинницы-тюрьмы. Толстая и здоровая лошадка бойко потащила насъ по начинающимъ немного просыхать улицамъ. Вездѣ—послѣдствія наводненія,—еще не поправленные заборы, опрокинутые ам-

бары; сушатся татами (толстыя циновки, необходимая мебель японскаго дома; при перемѣнѣ квартиры перевозятъ и татами, какъ у насъ стулья и пр.; есть квартиры съ татами и безъ нихъ, мебелированныя и нѣтъ), кое-какъ прибираются загрязненные дома. Подъѣзжаемъ къ полотну желѣзной дороги: рельсы снесены сажень на шесть отъ пути и перевернуты шпалами вверхъ. Очевидно, долго еще не возстановится сообщеніе, и въ Фукагава еще будетъ, можетъ быть, не одинъ рисовый бунтъ. За полотномъ пошли поля. Роскошныя нивы теперь печально лежали на землѣ, на половину запесенныя иломъ. Земледѣльцы не скоро поправятся отъ этого бѣдствія. Хорошо еще, что въ Фукагава дѣло обошлось безъ человѣческихъ жертвъ. Скоро, впрочемъ, почва стала повышаться, и слѣды наводненія мало-по малу пропали. Мы ѣхали какимъ-то тон-денъ по прямой, какъ стрѣла, и гладкой дорогѣ. Но вотъ начался лѣсъ и наша бася принялась дѣлать самыя причудливыя прыжки. Мы пребольно стукались другъ о друга, пока наконецъ, не пошли пѣшкомъ. Насъ вскорѣ пагнали два пѣшехода, изъ которыхъ одинъ оказался нашъ Александръ Усуи, и мы шли дальше вмѣстѣ, бесѣдуя между собой. Среди лѣса стоитъ японскій домикъ—татаба (станція, мѣсто отдыха), обаасанъ привѣтливо кланяется и приглашаетъ присѣсть, а въ прѣри горитъ цѣлое бревно и дымъ валитъ столбомъ, какъ тутъ не соблазниться?.. Мы присѣли къ огоньку. Японцы достали свои трубочки, а я, чтобы не отстать отъ другихъ, жеваль вяленую каракатицу (тутъ же и продается), и мы незамѣтно засидѣлись, разговаривая о всѣхъ приключеніяхъ.

Около десяти часовъ въѣхали въ Цикусигецу. Домъ Камбе (фельдфебеля) стоялъ съ самаго края. Лишь только мы поровнялись, изъ него выбѣжалъ самъ Камбе, за нимъ нашъ православный Моисей Укава и еще третій молодой человекъ, котораго рекомендовали испытующимъ ученіе. Всѣ мы вмѣстѣ направились въ домъ Моисея. Онъ еще совсѣмъ молодой человекъ, не женатый, живетъ со своей старухой матерью, упорной буддисткой. Но дѣти ея всѣ были православныя: старшій сынъ, теперь уже умершій, былъ довольно извѣстнымъ въ своей округѣ китайскимъ ученымъ и до самой смерти своей служилъ катихизаторомъ въ нашей церкви. Послѣ него осталась цѣлая бібліотека разныхъ

книгъ и, между прочимъ, записи лекцій по богословскимъ предметамъ, которыя покойникъ слушалъ въ катихизаторской школѣ. Тогда преподавателями были самъ епископъ Николаи, и еще кто-то изъ русскихъ миссіонеровъ. Вся эта бібліотека находится теперь у Моисея, какъ нельзя кстати для Камбе и прочихъ испытующихъ. Самъ Моисей тоже хотѣлъ было на церковную службу, поступилъ и въ семинарію, но пробылъ тамъ не долго. Теперь онъ несетъ военную службу и занимается обработкой земли, — занятіе, совершенно ему не по силамъ съ его слабой грудью. Поэтому, церковная служба опять манитъ его. Онъ заговаривалъ со мной о катихизаторской школѣ, о возможности для него туда поступить. Конечно, это уже не ревность первыхъ христіанъ, но... всюду просятъ катихизаторовъ, да и не заглянешь хорошенько въ душу каждаго, иной, и съ такимъ настроеніемъ вначалѣ, потомъ дѣлается истиннымъ проповѣдникомъ.—Вмѣсто иконы, у Моисея виситъ картина: Найденный Моисей. Мы дали ему хромолитографированную икону Богоматери. Камбе выпросилъ себѣ икону Спасителя. Дай Богъ ему выдти изъ сумерокъ на полный свѣтъ. По ихъ словамъ, здѣсь можно найти бы много слушателей вѣры. И здѣсь, слѣдовательно, необходимъ катихизаторъ: нѣтъ дѣлателей, хотя жатвы много...

Насъ оставляли было обѣдать, но мы торопились въ Циба, чтобы засвѣтло посѣтить тамошнихъ христіанъ и успѣть къ ночи выбратъся на дорогу въ Масике: исчисления Камбе далеко не соотвѣтствовали дѣйствительности. Проѣхали три ри, еще отсюда до рѣки — одно ри, а оттуда до Циба болѣе двухъ ри; отсюда, стало быть, идти еще больше 15 верстъ. Поэтому, мы сѣли въ свою бая и поѣхали, а Камбе съ Моисеемъ пошли съ нами пѣшкомъ. Ёхать однако пришлось недолго: мостъ чрезъ маленькую рѣчку провалился, и мы должны были кое-какъ перебираться чрезъ нее по бревешку, предоставивъ багажъ возницѣ. Версты чрезъ три—большая рѣка, чрезъ которую на стальномъ канатѣ ходитъ паромъ. Мы долго шумѣли на берегу, пока насъ не замѣтили съ противоположной стороны и какой-то бритый шамкающій старичекъ не привелъ парома на нашу сторону. Съ рѣки несло сыростью и стужей, чувствовалась осень.

На томъ берегу стояла водяная мельница. Двое мужич-

ковъ что-то дѣлали около своего воза, мальчишки заняты были игрой. Никакого признака средствъ передвиженія. Съ нашими чемоданами идти пѣшкомъ версть девять было не такъ удобно. Старичекъ позвалъ какого-то молодца, велѣлъ ему нести мой чемоданъ и мы велѣды за нимъ отправились въ ближайшій поселокъ: тамъ-де въ „дзимусе“ (правленіи) дадутъ вамъ лошадь. Было уже два часа, а дороги еще и конца не видать. Отецъ Николай распорядился прежде всего принести откуда-то обѣдъ (даже здѣсь въ глухой деревушкѣ есть гостинница), а потомъ и о передвиженіи завелъ рѣчь. Это оказалось не такъ-то легко. Послѣ долгихъ разговоровъ, спрашиваній по селу, старшій въ правленіи, наконецъ, сжалился и далъ намъ проводника и казенную лошадь навьючить багажъ. Мы всю дорогу шли вмѣстѣ съ Камбе, далеко опередивъ прочихъ и разговаривая съ нимъ и о вѣрѣ, и о Россіи и пр. Онъ высказалъ свое рѣшеніе перейти въ православіе, я убѣждалъ его сдѣлать это не торопясь, хорошенько испытавъ себя и вѣру. Ужъ что-то очень легко показалось мнѣ его обращеніе, такъ дѣло можетъ разрѣшиться просто мыльнымъ пузыремъ.

Часа въ четыре пришли въ Циба и прямо въ правленіе, гдѣ, какъ мы знали, служилъ одинъ изъ здѣшнихъ православныхъ. Фамилія его Катоо (родственникъ священнику въ Неморо). Прежде ихъ здѣсь жило два брата, оба христіане. Особенно былъ ревностенъ старшій. Въ правленіи, въ той комнатѣ, гдѣ онъ жилъ, висѣло много иконъ и по воскресеньямъ обязательно всѣ здѣшніе христіане собирались вмѣстѣ и совершали Богослуженіе. Катоо зналъ и пѣтъ церковныя пѣснопѣнія. Теперь, къ сожалѣнію, старшаго брата уже нѣтъ, а младшій, насколько можно судить по его комнатѣ (его не было дома), не такъ независимо выказываетъ свою вѣру, должно быть испугался неудовольствія начальства.

Подождавъ опоздаващаго отца Николая, мы пошли въ другой христіанскій домъ, знакомый издавна отцу Николаю (изъ одной съ нимъ деревни родомъ), домъ Іакова Иваи. И тамъ дома была только старушка-мать Якова, язычница. Домъ, конечно, ничѣмъ отъ другихъ крестьянскихъ не отличался, только на самомъ видномъ мѣстѣ виситъ икона и православный календарь. Уже давно живеть здѣсь Іаковъ вдали отъ церкви, но вѣру, по словамъ отца Николая, хранитъ незыб-

лемо, за что и всѣ односельчане его уважають, хотя самой вѣрѣ и не сочувствуютъ. Скоро пришетъ съ работы и Іаковъ. Еще не старыи человѣкъ, хотя дѣти его (Петръ и Нина) уже совершеннолѣтніе. Отецъ безъ запинки назавъ намъ ихъ „сей-на“ (крещенное имя): это очень хорошии знакъ. Обыкновенно, японцы зовутъ другъ друга старыми именами, японскими, и только на молитвѣ поминають имена крещенныя. Конечно, если имя рѣдко употребляется, его трудно запомнить. Для японскихъ же простыхъ крестьянъ тѣмъ болѣе женщинъ, греческія имена звучать совсѣмъ не уловимо (да, и наши крестьяне развѣ не коверкають мудреныхъ именъ)? Впрочемъ, хорошии христіане заставляють себя помнить, есть даже и такіе, что кромѣ христіанскихъ именъ, своимъ новорожденнымъ уже не даютъ никакого имени, такъ и въ гражданскія записи заносять. Яковъ притащилъ съ пашни огромнѣйшии арбузъ, разрѣзавъ его и мы угощались. Превосходный арбузъ! въ Японіи я первый разъ ѣлъ такой. Яковъ, довольный впечатлѣніемъ, сказалъ, что ихъ Циба славится арбузами.

Однако, пора была ѣхать дальше: начинало немного темнѣть. Яковъ тотчасъ же нашелъ у сосѣда подводу, такую же бая, и мы, распростившись съ нимъ и съ провожавшими насъ изъ Цикусибцу, быстро поѣхали. Версты четыре по ровной дорогѣ, и мы совершенно уже во тьмѣ, лѣсомъ подъѣхали къ огнямъ Иттай-бецу. Это собственно только отдѣльный постоялый дворъ на почтовой дорогѣ въ Масике. Отсюда начинается знаменитый переваль. Здѣсь мы и остановились ночевать. Словоохотливая хозяйка скоро насъ познакомила со всѣми подробностями дальнѣйшаго путешествія. До Масике отсюда съ небольшимъ 12 ри черезъ рѣки и горы. Верховыя лошади у нихъ есть, дадутъ и проводника, на грузовое сѣдло котораго помѣстимъ нашъ багажъ.

Горный переваль и городъ Масике.

12 сент.—31 августа. Только въ восемь часовъ кончились сборы и мы выѣхали. „Анко“ (парень) ѣхалъ впереди съ нашими чемоданами, я за нимъ на настоящемъ англійскомъ сѣдлѣ, отецъ Николай и теперь долженъ возсѣдать на грузовомъ. Торная и широкая дорога, которую расписывать

намъ фельдфебель, оказалась кое-какъ проложенной верховой тропинкой по густозаросшему ущелью, по которому съ шумомъ несется довольно порядочная горная рѣка. Мы на первыхъ 15 верстахъ должны были переѣзжать ее вбродъ цѣлыхъ одиннадцать разъ! Лошадей приходилось пускать черезъ рѣку бочкомъ, держа грудью противъ теченія, иначе ихъ опрокинуло бы. Жилье попадалось очень рѣдко, все больше глушь. Иногда долго ѣдемъ зарослями какого-то растенія, въ родѣ папоротника, такого высокаго, что и сидя на лошади съ трудомъ можно достать его верхушку. Кругомъ невозмутимая тишина, не слышать и птицъ, — только лошадиный топотъ и раздается. Наконецъ, мы долго въѣзжаемъ на огромный подъемъ: дорога спиралью идетъ по крутому скату. Это самая высшая точка перевала. Немного еще и мы на станціи Ненарѣ, такой же одинокой постоялый дворъ, затерянный въ лѣсу и горахъ. Особенно зимой, по словамъ хозяина, тихо и пустынно, ни проходящихъ, никого.

Мы мѣняемъ лошадей. Сѣдла было здѣсь всего только одно, да и то съ порваннымъ стремянемъ. Его предоставили мнѣ. На другую лошадь нагрузили нашъ багажъ и сверху всего посадили отца Николая, и проводникъ долженъ былъ идти пѣшкомъ. Дорога пошла такая болотистая, что лошади наши съ трудомъ вытаскивали ноги. Впрочемъ, все обошлось благополучно, только отецъ Николай одинъ разъ упалъ съ сѣдла со всѣмъ багажемъ, да у меня одна нога ныла отъ того, что ее всю дорогу пришлось держать согнутой на оборванномъ стремени. Мы поднимаемся еще на замѣчательный подъемъ, и предъ нами раскрывается удивительно живописный видъ на лежащую внизу долину съ рѣчкой, рощицами, крестьянскими хуторами, а далѣе синѣло море, цѣль нашихъ стремлений. Рѣдко приходится видѣть такую величественную картину! Мы спускаемся послѣдній разъ съ горы, мѣняемъ внизу лошадей и уже быстро-быстро ѣдемъ по ровной зеленой равнинѣ, а потомъ завернувъ къ югу, по берегу моря. Здѣсь, впрочемъ, лошади пошли шагомъ: мелкіе камешки рѣзали имъ ноги. Мы объѣзжали бухту за бухтой. Все это застроено рыбными промыслами, какіе мнѣ пришлось видѣть въ Неморо. Наконецъ, на мысу, черезъ бухту подъ высокой горой показалось и Мисике, на рейдѣ

котораго виднѣлось нѣсколько судовъ. Перебѣгаемъ гору и спускаемся въ самый городъ. Въ 6 часовъ мы были уже въ гостинницѣ, расправляя свои усталые члены.

Масике ¹⁾, довольно большой городъ, недавно начинающій развиваться, а современемъ имѣющій быть и еще важнѣе: къ нему предположена желѣзная дорога по тому самому ущелью, чрезъ которое мы только что пробрались. Все это, конечно, послужитъ и торговлѣ, но главную цѣль имѣетъ военную: боятся, какъ бы въ одинъ прекрасный день не высадились русскіе...

Церковь наша завелась здѣсь совсѣмъ недавно, года два тому назадъ, раньше жили только вѣрующіе одиночные. Катихизаторъ Авраамъ Яги, теперь служащій здѣсь, и есть первоначальникъ здѣшней проповѣди. Насъ, конечно, здѣсь никто не ждалъ: извѣстить изъ Фукугава нельзя было, а, по первоначальному плану, мы должны были пріѣхать сюда съ юга моремъ изъ Отару. Поэтому, сразу же по пріѣздѣ отецъ Николаѣй отправился въ церковь сказать о нашемъ пріѣздѣ и собрать христіанъ на молитву. Въ 9 часовъ должна была начаться вечерня.

Для молитвенныхъ собраній занимаетъ домъ, — конечно, небольшой, изъ трехъ комнатъ, но раздѣляющія ихъ ширмы всегда можно снять и тогда получается довольно просторная, продолговатая комната, достаточная для молитвы по крайней мѣрѣ сорока человѣкъ. Здѣсь живетъ нашъ сенсей, еще не старый человѣкъ, изъ себя тучный, но катихизаторъ хорошій. Жена его уѣхала на родину къ умирающему отцу, а Авраамъ (сенсей) въ ея отсутствіе захворалъ „какке“ и давно уже не можетъ поправиться. Болѣзнь эта спеціально японская, нигдѣ на земномъ шарѣ болѣе не встрѣчающаяся. У больного безъ особенной боли начинаютъ пухнуть ноги, а потомъ опухоль поднимается выше, въ рѣдкихъ случаяхъ доходитъ до груди и головы. Такая степень почти неизбѣжно кончается смерью. Есть еще видъ какке безъ опухоли, тотъ считается болѣе опаснымъ. Что это за болѣзнь, какія причины ея, никто до сихъ поръ съ увѣренностью сказать не можетъ. Замѣчено только, что люди, пи-

¹⁾ Лежитъ на западномъ берегу о. Эзо нѣсколько къ сѣверу отъ мыса Вофуи или Мелесива (на Евр. картахъ).

тающіеся не чистымъ рисомъ, а пополамъ съ пшеницей или ячменемъ, рѣдко подвергаются какке и не въ такой сильной формѣ. Болѣзь эта постигаетъ человѣка періодически: если разъ захватилъ ее, на слѣдующій годъ непременно нужно ждать повторенія. Нашъ катихизаторъ уже давно страдалъ какке, на этотъ разъ болѣзнь что-то задержалась и приняла именно опасную форму: безъ опухоли ногъ. Больной не могъ ходить, не могъ сидѣть по японски на полу, чувствовалъ слабость. Дома у него теперь никого не было, и его положеніе было бы весьма незавидное, если бы его христіане не взяли на себя заботы о немъ. Всегда кто-нибудь изъ нихъ сидѣлъ въ церкви, занимая своего больного сенсея, готовилъ ему обѣдъ, чистилъ и зажигалъ лампу, несъ на почту его письмо и пр.

Церковь эта еще очень небольшая: всего только 23 человѣка съ дѣтьми (двое теперь отсутствовали), и притомъ всѣ они собрались изъ разныхъ мѣстъ, нѣкоторые крещены въ Хакодате, въ Отару, а то и совсѣмъ въ старой Японіи. Въ Масике метрика только еще начинается и до сихъ поръ крещеній записано всего 5 (изъ нихъ одинъ умеръ). Слабая сторона этой церкви опять таки та, что христіане не привыкли собираться постоянно на молитву въ воскресные или праздничные дни. По словамъ катихизатора, утромъ въ воскресенье приходитъ не болѣе пяти человѣкъ, а субботу вечеромъ до восьми. Каждый изъ нихъ долго жилъ вдали отъ священника и катихизатора, а безъ нихъ Богослуженіе организовано не было, такъ они и жили, молясь каждый въ одиночку у себя дома. Есть, впрочемъ, и постоянные посятители Богослуженія.

Я служилъ вечерню, пѣли три дѣвнцы и двое мужчинъ. Послѣ службы я сказалъ поученіе о горчичномъ зернѣ. Въ видахъ ободренія церкви, потомъ рѣшили открыть симбокувай, и именно начать съ завтра. Всѣ конечно, разспрашивали про наши злословія во время наводненія, передавали подробности бѣдствія въ другихъ мѣстахъ: уже теперь достовѣрныя счисленія возводятъ число потонувшихъ до ста человѣкъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, было больше: въ Хоккайдѣ народу много всякаго, нѣкоторые путемъ и не занесены никуда.

1—13 сентября. Времени свободнаго у насъ было болѣе,

чѣмъ нужно, потому, не торопясь обошли всѣ здѣшніе пять христіанскихъ домовъ. Въ одномъ домѣ мужъ и жена сильно разсорились и почти готовы были окончательно разойтись. И вотъ пошла длинная исторія съ ихъ примиреніемъ. Отецъ Николай при этомъ обнаружилъ замѣчательное терпѣніе и умѣнье вести дѣло съ такими, нѣсколько взбалмошными людьми. Благодаря его стараніямъ и содѣйствію другихъ христіанъ, дѣло это и было устроено. У японцевъ и въ этомъ случаѣ безъ строго установленныхъ правилъ не полагается. Чего бы проще помириться мужу съ женой, тѣмъ болѣе, что они, повидимому, и сами боялись и не хотѣли окончательнаго разрыва? Нѣтъ, необходимъ какой нибудь посредникъ, который бы взялъ на себя хлопоты, сходилъ бы по нѣскольку разъ изъ одного дома въ другой, потомъ, достигнувши успѣха, привелъ бы жену опять въ домъ мужа и пр. Другой домъ: отецъ очень давнишній вѣрующій, но тоже въ старые годы разошелся съ женой и переселился сюда; церкви тогда здѣсь не было. Здѣсь онъ взялъ себѣ другую жену-язычницу, и тамъ жилъ, числясь въ рейтанъ; никто хорошенько и не слыхалъ, куда онъ переселился. Въ настоящее время его опять возвратили въ церковь, новая жена его и дочка обѣ теперь христіанки.

Третій домъ Хиранума, какого-то не то чиновника, не то стараго учителя, человѣка замѣтно съ большими странностями, хотя и не большого душевно. Христіанинъ онъ тоже старинный, принялъ крещеніе еще въ Хакодате отъ „батюшки“, т. е. отъ о. Анатолія, къ которому одному старые христіане почему-то прилагаютъ это русское названіе. Жена его и двѣ старшія дочери тоже крещены, послѣднія были и въ епархіальномъ нашемъ училищѣ, но, не кончивъ курса вышли, и теперь поступили учительницами въ правительственныя школы. Чудакъ-отецъ, постоянно увлекавшійся разными фантазіями, однажды увлекся протестантствомъ и даже перешелъ въ него. Но потомъ, конечно, опомнился и покался. Въ домѣ у него много иконъ, притомъ и развѣшаны они совершенно, какъ въ русскихъ домахъ, хорошая лампадка и даже (что въ японскомъ домѣ я видѣлъ первый разъ) засохшая верба была не забыта; но рядомъ съ этимъ двое младшихъ дѣтей его до сихъ не крещены: пусть-де подрастутъ и примутъ крещеніе сознательно. Удивительный

человѣкъ. На эту тему пришлось съ нимъ много говорить (да и катихизаторъ и священникъ не разъ уже убѣждали его), только послушается ли онъ—вотъ вопросъ. Когда человекъ руководится фантазіями, а не здравымъ разсудкомъ, разсуждать съ нимъ трудно; пусть онъ и убѣдится при бесѣдѣ, но стоитъ собесѣднику уйти, прежнія фантазіи опять всплывутъ наверхъ и бесѣды какъ не бывало. Эти два дома, какъ видите, больные, едва оправившіеся рейтанъ, ихъ нужно было лечить, поднимать.

Четвертый домъ Абе: старушка-мать постоянно ходитъ въ церковь и усердно молится: но вотъ старшій сынъ ея, погрузившись въ куплю, къ вѣрѣ охладѣлъ. Заговоришь съ нимъ что нибудь о душѣ, о спасеніи, на лицѣ хоть бы движеніе, видимо ждетъ, когда кончится эта матерія; но стоитъ только коснуться вопросовъ денежныхъ, наживы, какъ и глаза его загораются, и разговоръ льется непринужденно, и скуки на лицѣ нѣтъ. Что-то будетъ съ нимъ и его женой, если скончается ихъ благочестивая старушка мать? Разсорившаяся съ мужемъ жена также дочь этой старушки. Наконецъ, пятый домъ: мужъ—начальникъ почтовой конторы, человекъ весьма почтенный въ городѣ и, кажется, состоятельный. Въмѣстѣ съ женой принялъ онъ крещеніе въ Отару уже много лѣтъ тому назадъ. И онъ, и жена постоянно были усердными христіанами, много дѣлавшими для церкви. Жена, верховодящая въ домѣ, также имѣла большой авторитетъ и въ церквахъ, куда приходилось переселяться мужу по службѣ. Главнымъ образомъ, благодаря стараніямъ этой хорошей христіанской четы основалась церковь и въ Масике. Дѣтей у нихъ нѣтъ, живутъ только вдвоемъ. Въ ихъ домѣ мы видѣлись и съ новой слушательницей ученія, которая теперь почти уже совсѣмъ приготовлена ко крещенію, только по какимъ-то семейнымъ обстоятельствамъ не могла быть окрещена въ этотъ разъ. Она постоянно и прежде приходила къ Вайнай (фамилія этого дома) и хозяйка мало-помалу обратила ея сердце къ слушанію ученія. Богъ дастъ, подъ вліяніемъ этой хорошей христіанки и новая будетъ искренней послѣдовательницей Христа.—Кромѣ этихъ пяти семействъ есть еще вѣрующіе одиночные, нѣкоторыхъ изъ нихъ мы видѣли въ церкви, по домамъ же идти не пришлось: часто родители-язычники, притомъ христіанства не любящіе, иногда

же христіанинъ состоитъ на службѣ въ чужемъ домѣ, посѣщеніе наше было бы неудобно.

2—14 сентября. Пароходъ долженъ быть выходить только завтра, поэтому у насъ былъ еще дѣльный день свободный. Поздно вечеромъ назначенъ въ церкви первый здѣсь симбокуквай, а предъ нимъ должно было состояться окончательное примиреніе разошедшихся супруговъ. Время шло по обыкновенію быстро, а дѣло подвигалось медленно, поэтому только въ девять часовъ вечера мы могли открыть нашъ симбокуквай. Собралось на немъ 14 человекъ (т. е. за исключеніемъ отсутствовавшихъ изъ города и оставленныхъ домовничать пришли почти все). Были тутъ и примирившіеся супруги. Женщины предъ началомъ симбокуквая обща дѣлали разныя приготовленія: чистили и рѣзали на ломтики яблоки (ихъ здѣсь очень много), разкладывали по бумажкамъ кваси (пирожное), перетирали чашки и пр. Мужчины солидно бесѣдовали у хибаци, постукивая своими трубочками. Въ 9 часовъ, послѣ краткой молитвы, симбокуквай начался. Надежда Хиранума (дочь чудака-старика) очень складно рассказала житіе преп. Евдокіи, даже и назиданіе подробно вывела. Потомъ импровизировалъ Ояги, только что предъ тѣмъ помиренный съ женой. Темой его было приблизительно: „помни послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиши“. За нимъ я рассказалъ объ терпѣніи Іова. Послѣ рѣчей стали пить чай, ѣсть кваси и бесѣдовать; и прежде всего порѣшили, чтобы симбокуквай и впредь совершался ежемѣсячно именно въ это 14-е число по очереди въ христіанскихъ домахъ. Можетъ быть, это оживитъ здѣшнюю начинающуюся церковь. Какъ видимъ, въ такомъ оживленіи она сильно нуждается. Что же дѣлать? Составилась она изъ христіанъ случайно сошедшихся изъ датека и затерявшихся въ язычествѣ вдали отъ церкви. Сразу трудно имъ всемъ стать на ноги, но при катихизаторѣ, при Богослуженіи, при постоянныхъ посѣщеніяхъ священника будутъ лучшими христіанами и они. Въ послѣдствіи городъ Масике вырастетъ, сойдутся сюда еще больше христіанъ, можетъ быть тогда и церковь усилится и произведетъ болѣе замѣтное вліяніе на окружающую среду.

Архимандритъ Сергій.